

Тазин Игорь Иванович

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ КАК МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье приводится авторский подход к пониманию психологического содержания хулиганских побуждений в контексте процессуальной мотивации преступного поведения и психического явления смысловой опустошенности личности. Проводится разграничение между юридическим и психологическим пониманием мотивов преступного деяния. Акцентируется внимание на недопустимости расширительного толкования хулиганских побуждений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/7/34.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (85). С. 125-128. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Пришвин». В микрополе, связанное с «писательским трудом» Пришвина-писателя, войдут следующие лексемы и словосочетания: «природа», «журавлиная родина», «веление сердца», художник, мастер, «настоящее колдовство», человек земли, зоркость, поэзия, народный язык, «разнотравье русского языка». Микрополе «Иван Бунин» включает следующие единицы: «ритм прозы», «найти звук», мастер, сила языка, «лепка людей», неисчерпаемость, «первоклассный поэт» и др. Аналогичным образом можно представить и остальные микрополя, эксплицирующие писательский труд.

Таким образом, текстовое семантическое поле «писательский труд» – объемно и многомерно. Оно объединяет в своей структуре единицы, связанные с пониманием К. Г. Паустовским сущности «писательского труда», единицы, разнородные с точки зрения языка, но тесно связанные друг с другом в структуре текста, объединенные авторским замыслом.

Список литературы

1. **Абрамов В. П.** Семантические поля русского языка. М. – Краснодар: Академия пед. и соц. наук РФ; Кубанский гос. ун-т, 2003. 338 с.
2. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. М., 2000. 352 с.
3. **Новиков Л. А.** Семантическое поле // Русский язык: энциклопедия. М., 1998. С. 458-459.
4. **Новикова М. Л.** Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста (на материале произведений русских писателей): дисс. ... д. филол. н. М., 2006. 385 с.
5. **Паустовский К. Г.** Блистающие облака; Золотая роза. СПб.: Каравелла, 1995. 416 с.
6. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. IV. С-Я. 800 с.
7. **Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов** / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

TEXT SEMANTIC FIELD “WRITER’S LABOUR” IN K. G. PAUSTOVSKY’S NARRATIVE “THE GOLDEN ROSE”

Sorochenko Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
North-Caucasus Federal University
sorochenkoen@ya.ru

The article reveals the content of the notion “text semantic field”, which is widespread nowadays. Main attention is paid to the consideration of the composition and structure of the text semantic field “writer’s labour” in K. G. Paustovsky’s narrative “The Golden Rose”, the keywords of the text – “writing”, “idea”, “inspiration”, etc. – are analyzed.

Key words and phrases: text semantic field; kernel; centre; periphery; microfield.

УДК 159.9:34.01

Психологические науки

В статье приводится авторский подход к пониманию психологического содержания хулиганских побуждений в контексте процессуальной мотивации преступного поведения и психического явления смысловой опустошенности личности. Проводится разграничение между юридическим и психологическим пониманием мотивов преступного деяния. Акцентируется внимание на недопустимости расширительного толкования хулиганских побуждений.

Ключевые слова и фразы: хулиганские побуждения; хулиганский мотив; хулиганство; мотивация преступного поведения; деструктивность; смысловой вакуум.

Тазин Игорь Иванович, к.ю.н.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
tazin@fpu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ КАК МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ[©]

Теоретическая конструкция мотива преступления, являясь результатом психолого-юридического научного пересечения, имеет различное содержание в психологии и юриспруденции, что позволяет утверждать о существовании «психологических» и «юридических» мотивов преступления [7, с. 165; 8, с. 23; 20, с. 125]. Вместе с тем, гипотеза обусловленности преступного поведения одновременно «психологическим» и «юридическим» мотивами противоречит целостному междисциплинарному подходу к изучению личности. Отраслевое терминологическое разнообразие зачастую делает акценты на различные стороны изучаемого

явления, которое от этого не перестает быть единым. Так, при определении мотива преступного деяния юристы в большей степени исходят из внешней ситуации, в то время как психологи – из личности. В итоге юридические формулировки мотивов отличаются большей степенью обобщенности, в то время как психологические – высоким уровнем детализации.

Невозможность непосредственного восприятия психических явлений, отсутствие единой классификации мотивов в психологии и юриспруденции, слабая распространенность института судебно-психологической экспертизы на практике приводят к использованию упрощенных подходов к установлению мотивов преступления. В современной судебно-следственной практике сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть», «личная неприязнь», «хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного, исходя только из характера совершенного им преступления. Так, хищение предполагает корыстный мотив, насильственное преступление порождается мотивом личной неприязни, а преступление, не поддающееся логическому объяснению, объявляется совершенным из хулиганских побуждений личности. Естественно, что данные мотивы-презумпции не охватывают всего многообразия внутренних побуждений личности. При таком подходе, по выражению Ю. М. Антоняна, мотив не «извлекается» из личности, а приписывается ей, исходя из внешней оценки преступного деяния [3, с. 151]. В итоге значительная доля реальных побуждений к совершению преступлений остается за пределами судебно-следственного познания, скрываясь за юридической формулировкой «хулиганские побуждения». Данная формулировка зачастую отражает нежелание или неспособность субъекта доказывания устанавливать истинные мотивы преступного поведения, играя роль «спасательного круга» в сложных судебно-следственных ситуациях.

Хулиганские побуждения в условиях отсутствия их легального и психологического определения являются, пожалуй, самым неопределенным мотивом преступления, который рассматривается в свете антисоциальной направленности личности, грубости, цинизма, самоутверждения, демонстративности, озорства и даже беспричинности [6, с. 10; 13, с. 338; 18, с. 105]. Судебно-доктринальное понимание хулиганских побуждений раскрывается через признаки «грубого нарушения общественного порядка», «явного неуважения к обществу», «стремления противопоставить себя обществу», «показать свою удаль и превосходство над окружающими», «использования незначительного повода для совершения преступления» [4, с. 49; 14; 15]. Вместе с тем, указанные признаки не позволяют отграничить юридические хулиганские побуждения от смежных психологических мотивов самоутверждения, доминирования, борьбы и др. Более того, широкий и оценочный характер этих же признаков позволяет их усматривать в любом преступлении. Так, ввиду общественной опасности любого преступного деяния оно может быть оценено как форма нарушения общественного порядка и выражения неуважения к обществу, в то время как вопрос о характере этого нарушения и неуважения относится к числу оценочных. В свою очередь, нарушение уголовно-правовых запретов всегда предполагает противопоставление личности обществу. Наконец, о малозначительности повода можно говорить только в ситуации сторонней оценки поступка, в то время как с субъективной точки зрения повод для причинения уголовно-правового вреда всегда является значительным. Вместе с тем, хулиганские побуждения как квалифицирующий признак ряда составов преступлений требуют четкого и предметного психологического понимания. Его отсутствие может стать причиной судебно-следственных ошибок, начиная от отсутствия должного учета общественной опасности личности виновного при назначении наказания и заканчивая ошибками квалификации преступлений.

Приведем соответствующий пример из судебно-следственной практики. Гражданин С. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 116 УК РФ, то есть в побоях, совершенных из хулиганских побуждений. Уголовное дело было возбуждено в защиту интересов малолетнего потерпевшего в порядке ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Обстоятельства дела были следующие. С. находился в помещении магазина, когда в оконное стекло вдруг с силой что-то ударило. Посмотрев на окно, С. увидел след от снега, а приглядевшись, он заметил мальчика лет семи, который кидал по магазину снежками. Такое поведение вывело С. из себя, он выбежал из магазина, схватил мальчика за куртку, несколько раз встряхнул его и нанес два удара ему по лицу. С. отчитал мальчика за ненадлежащее поведение. Затем он попытался узнать от мальчика место его проживания с тем, чтобы отвести его к родителям. Однако мальчик адреса не назвал, поэтому для установления его личности С. отвел его в школу. Следовательно, принимая решение о наличии в поведении С. хулиганских побуждений, исходил из явного несоответствия между характером действия мальчика и ответными действиями С. При этом ни следователь, ни суд не учли характеристику личности обвиняемого. Из материалов дела следовало, что С. прослужил в Вооруженных силах 26 лет, занимая при этом командные должности. По долгу службы, в соответствии с Общевоинскими уставами, от С. требовалось обеспечивать дисциплину и проводить воспитательно-разъяснительную работу среди подчиненных. Исполняя эти обязанности на протяжении 26 лет, С. встал на сторону смысловых полюсов долга, справедливости и порядка, которые обусловили возникновение у С. личностного смысла в виде стремления к доминированию. Именно этот смысл обусловил возникновение мотива провести воспитательно-разъяснительную работу с мальчиком, когда последний проявил недостатки воспитания. Об этом говорят и все объективные обстоятельства дела: после нанесения ударов С. не оставляет мальчика, а проводит с ним воспитательную беседу, пытается узнать место жительства родителей мальчика, чтобы отвести последнего домой, наконец он отводит мальчика в школу. Правильная квалификация в настоящем случае должна была быть осуществлена по ч. 1 ст. 116 УК РФ без указания на наличие в действиях С. хулиганских побуждений.

Подобные ошибки в правоприменительной практике отражают общую закономерность смещения познавательного акцента с психологического содержания хулиганских побуждений на их внешнее проявление.

Однако специфика хулиганства состоит не во внешних действиях, а в его особом внутреннем качестве, в его «хулиганственности» [13, с. 333]. Раскрытие психологического содержания хулиганских побуждений требует ответа на вопрос, что заставляет причинять вред другому человеку или его имуществу без видимого повода. По мнению автора, психологическая сторона хулиганских побуждений включает два компонента: а) получение удовольствия от процесса причинения вреда (деструктивность); б) особое психоэмоциональное состояние смысловой опустошенности личности (смысловой вакуум).

Настоящим хулиганом двигает стремление к разрушению, в ходе которого он получает удовольствие от самого процесса причинения вреда, а не достигнутого результата. Наличие процессуальной мотивации в преступном поведении отмечается рядом авторов [1; 11, с. 74; 19, с. 43; 21, с. 108-109]. Так, известна игровая мотивация преступного поведения, при которой субъект испытывает потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, созданием эмоционально возбуждающих ситуаций, желанием «пощекотать нервы» и получить «острые ощущения» [2, с. 34]. Процессуально мотивированы серийные преступления [10, с. 78; 16, с. 139; 22, р. 251] и жестокое обращение с животными [5, с. 599].

Известный эффект «беспричинности» и «незначительности повода» при хулиганских побуждениях возникает по причине того, что виновный действует не для преодоления проблемной ситуации и достижения необходимого результата, а ради получения удовольствия от процесса причинения вреда. Совершая, например, убийство по хулиганским мотивам, виновный не стремится себя защитить, а получает удовлетворение от самого факта умышленного лишения жизни другого человека [17, с. 383-384]. В свете этого понимания следует согласиться с позицией Верховного Суда Российской Федерации о недопустимости вменения хулиганских побуждений при наличии иных установленных мотивов, таких, например, как месть, ревность, личная неприязнь и другие [14, п. 12; 15, п. 12], поскольку их наличие ориентирует личность на достижение конкретного результата, исключая тем самым процессуальный характер хулиганского мотива. Иначе, по верному замечанию С. В. Склярова, мы рискуем попасть в ситуацию, когда хулиганский мотив может быть обнаружен в любом преступлении, где присутствуют признаки демонстративности и самоутверждения субъекта преступления [21, с. 46, 108]. При этом нет юридических или психологических оснований считать, что данные тенденции личности являются общественно-опасными, поскольку демонстративность и самоутверждение являются компонентами социально-полезных видов деятельности, в то время как причинение вреда ради самого причинения вреда повышает общественную опасность личности виновного, существенно расширяя поводы для совершения преступления. В этом отношении заслуживает поддержки предложение о включении хулиганских побуждений в общий перечень отягчающих обстоятельства [6, с. 11].

Условием развития феномена получения удовольствия от разрушения является состояние смысловой опустошенности личности хулигана. Реальный хулиган – преимущественно социально дезадаптированный субъект, не видящий точек смыслового приложения своей личности. Смысловой вакуум может переживаться в широком диапазоне духовных состояний и ощущаться как досада, тоска, хандра, скука, апатия, отчаяние [9, с. 196-262]. В любом случае отсутствие у личности смыслового содержания ведет к возникновению состояния невыносимой экзистенциальной пустоты. Это состояние побуждает хулигана причинить вред личности или ее имуществу в условиях отсутствия видимого повода, чтобы в этом деструктивном порыве привлечь внимание к своей персоне и тем самым придать жизни хоть какую-то окраску. «Люди, пребывающие в патологическом состоянии бесцельности, не верят ни в какие смыслы и ценности, – обращает внимание А. Маслоу, – они уверены, что не в состоянии изменить мир к лучшему, а потому ограничиваются бессмысленными выходками и деструктивным протестом» [12, с. 206].

Таким образом, недопустимо делать вывод о наличии хулиганских побуждений в преступлении только по причине невозможности его объяснения корыстной заинтересованностью или личной неприязнью. По нашему мнению, формулировка «хулиганские побуждения» применима в отношении ограниченного круга преступлений с процессуальной мотивацией, совершаемых в состоянии смысловой опустошенности личности с целью получения психологической выгоды (удовольствия) от процесса причинения вреда. Представляется возможным предложить авторское определение хулиганских побуждений как стремления к причинению вреда личности при отсутствии неприязненных отношений с ней, а равно ее имуществу, ради получения удовольствия. При этом следует рекомендовать судебным органам при вменении хулиганских побуждений проводить судебно-психологическую экспертизу обвиняемого (подсудимого) с целью диагностики его психоэмоционального состояния по типу смысловой опустошенности.

Список литературы

1. **Антонян Ю. М.** Убийство ради убийства. М.: Щит-М, 1998. 233 с.
2. **Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н.** Личность корыстного преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 63 с.
3. **Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е.** Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. 336 с.
4. **Волков Б. С.** Мотивы преступлений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
5. **Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации** / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Норма; Инфра-М, 2002. 832 с.
6. **Косарев И. И.** Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2012. 23 с.
7. **Котов Д. П.** Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 212 с.
8. **Коченов М. М.** Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 117 с.

9. Красиков В. И. Человеческое присутствие. М., 2003. 288 с.
10. Кудряшов Ю. В. Мотивационная классификация серийных убийц, применяемая при составлении их психологического профиля // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Ч. 21. С. 76-80.
11. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
12. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А. М. Татлыдаевой. СПб.: Издат. группа «Евразия», 1997. 430 с.
13. Немтинов Д. В. Проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 102. № 10 (102). С. 332-339.
14. О судебной практике по делам об убийстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Российская газета. 1999. 09 февраля.
15. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Российская газета. 2007. 21 ноября.
16. Образцов В. А. Не убивать они не могут // Уголовное право. 1998. № 1. С. 136-140.
17. Павлов О. П. Мотив в преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 383-385.
18. Плохова В. И. «Классическое» хулиганство, преступления из хулиганских побуждений и экстремистское хулиганство (статья 1) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 103-107.
19. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л.: Госиздат, 1926. 256 с.
20. Сафуанов Ф. С., Ваксэ Е. В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных деликтов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 122-126.
21. Скляров С. В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 2000. 288 с.
22. Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., Ressler R. Sexual Homicide: a Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. 1986. Vol. 1. № 3. P. 251-272.

PSYCHOLOGICAL CONTENT OF HOOLIGAN INCENTIVES AS MOTIVE OF CRIME

Tazin Igor' Ivanovich, Ph. D. in Law
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
tazin@tpu.ru

The article presents the author's approach to the understanding of the psychological content of hooligan incentives in the context of the procedural motivation of criminal behaviour and the mental phenomenon of the sense emptiness of the personality. The jurial and psychological understanding of the criminal act motives is distinguished. Attention is focused on the inadmissibility of the broadened interpretation of hooligan incentives.

Key words and phrases: hooligan incentives; hooligan motive; hooliganism; criminal behaviour motivation; destructiveness; sense vacuum.

УДК 347.91/95

Юридические науки

Статья посвящена одной из научных и практических проблем, связанных с источниками гражданского процессуального права, а именно: какое место в иерархии источников гражданского процессуального права занимают международные договоры Российской Федерации. Существующие в науке мнения по этому вопросу – неоднозначны, а законодательное регулирование не дает прямого ответа на данный вопрос. Автором делается вывод, что место международного договора в системе источников права зависит от способа выражения согласия на обязательность этого договора. Кроме того, утверждается, что международные договоры не могут иметь приоритет перед Конституцией РФ и федеральными конституционными законами.

Ключевые слова и фразы: источники гражданского процессуального права; международные договоры; иерархия источников гражданского процессуального права; приоритет Конституции РФ и федеральных конституционных законов; ратификация международных договоров.

Терегулова Антонина Александровна, к.ю.н., доцент
Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (филиал) в г. Златоусте
antonina_ter@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ©

В связи с источниками гражданского процессуального права в науке и практике гражданского процесса возникает несколько вопросов. Это и вопрос о месте международных договоров в системе источников,